

**АКТУАЛЬНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

В начале XXI века проблемы взаимосвязи философии, методологии и исторической науки обрели новые формы и качества, главным образом, потому, что появилась возможность реализации скрытого эвристического и методологического потенциала философского знания в условиях его освобождения от идеологического принуждения. Философия, выступая как наиболее общая форма самопознания культуры, вырабатывает мировоззренческие принципы исследования, рационализирует феномены социальной реальности в абстрактно-логическом выражении, создает новый понятийный и категориальный аппарат, прогнозирует направления научного исследования.

Рост научного знания, сложность его структурных уровней, введение абстракций, идеальных моделей, обращение к новым способам обоснования знаний требуют от ученого зрелой методологической позиции.

Проблемы исторической науки оказались в центре острых философских и политических дискуссий современности, в которых представлены практически все направления и научные школы.

Давая оценку состояния современной исторической науки, анализируя ее наиболее актуальные проблемы, мы с необходимостью сталкиваемся с известными трудностями. Сама оценка невозможна без определенных методологических оснований, а они до некоторых пор оказались «размытыми», поставленными под сомнение.

Представляется возможным соединение классических традиций анализа с элементами неклассических и постнеклассических подходов по принципу дополнительности при условии тщательной экспертизы социального объекта.

Попытаемся выделить наиболее актуальные методологические проблемы социально-исторического знания.

В структуре логико-гносеологических проблем выделяется *классификационная проблема* (предложены теоретический и прагматический подходы к обоснованию классификаций, идеи естественной классификации, в социально-гуманитарное знание пришли машинные методы, отсутствует единый критерий выбора). Проблема *теоретизации* в современной науке – не менее дискуссионна, так как существуют многочисленные подходы и определения самого понятия «теория», по-разному трактуются функции теории: объяснение, предсказание, понимание, систематизация. Идет поиск образца наиболее развитой теоретической дисциплины.

Г. Риккерт (1863–1936 гг.) обосновывал специфику исторических дисциплин через их ориентированность главным образом на духовную жизнь человека. Вслед за Гегелем он причислил историю к «наукам о духе» и предложил метод отнесения к ценности¹.

Для современного этапа развития науки *проблемы аксиологии* стали особенно значимыми: модернизируется предмет аксиологии, изучается методологический потенциал ценностного подхода, механизмы обмена, трансляции, смены систем ценностей, их природа и значение, многообразие ценностей и их классификаций. Представляется возможным говорить о возникающих контурах теории ценностей в целом, хотя в существующей исторической литературе многие авторы выглядят неуверенно, когда пишут о ценностях и их приложениях, идет смешение подходов, понятий, возникают ошибки в суждениях о референте ценности (материальный он или идеальный и т.д.).

Проблема предмета исторической науки остается весьма активной темой методологического выбора. Она включает в себя определения объектов, целей, методов, исследовательских программ. В современном социально-историческом познании идут процессы интеграции и дифференциации научного знания, предметная организация науки и постоянное разрушение предметных границ. Коротко можно обозначить основные подходы к определению предмета истории: 1) история исследует исторический процесс – всемирная история; 2) история – социальная дисциплина, изучающая развитие общества; 3) история, как гуманитарная наука, имеет дело с формами человеческой жизнедеятельности, с процессом производства (конституирования) культурных значений, текстов. Особенно активные дискуссии о предметных границах велись между историками и социологами. В настоящее время многие соглашались с тем, что предмет истории – прошлое, а социологии – настоящее.

Тенденции антропологизации знания во второй половине XX века проникли и в историческое познание, сделав «человека в истории» предметом анализа. Человеческая деятельность, люди, их сознание, отношения между ними становятся для истории подлинной реальностью, пересматривается роль личности в истории. «Маленький человек из толпы вытесняет великую историческую личность». Представляется важной целостность исторической предметности – она требует объединить «общество» и «человека». Предмет истории – общественный человек в меняющемся времени, люди, переживающие свою историю. И, наверное, самой популярной точкой зрения на предмет истории является обращение к «прошлому» как предмету исследования. В эпоху Возрождения была обнаружена темпоральность человеческого и общественного бытия, проникающая в прошлое и открытая будущему. Гуманисты стали различать далекое и близкое прошлое. В Новое время пытались с рационалистических позиций сформулировать закономерности истории, которые бы объясняли прошлое и настоящее, помогали предвидеть будущее. Вплоть до XIX века история выполняла функцию социальной памяти.

В современной исторической науке существуют методологические трудности с определением понятий: «прошлое», «прошлое человека», «событие», «исторический факт», «историческое состояние», «образы исторической реальности». В сознание современного историка все чаще входят философские категории: «свобода», «развитие», «прогресс», «социальное пространство и время», «общество» и др. Посредством механизма сопоставления систем понятий философской, социологической и исторической наук выявляется их продуктивность для исторического исследования – образуются новые понятийные ряды. Методы компаративистики, возникшие в философской методологии – сравнительный анализ, аналогии, параллели, диалог, полилог – все чаще применяются историками и дают интересные результаты. Современная философская культура характеризуется стилями мышления: сциентистским, антропологически-мировоззренческим, метафизическим, диалектико-материалистическим, критико-рационалистическим, религиозным, иррационалистическим, что, безусловно, влияет на позиции историков.

История, как гуманитарная наука, имеет дело с описанием, объяснением, пониманием. Поэтому *методологический потенциал герменевтики требует всестороннего осмысления историческим сообществом*. Историк истолковывает, интерпретирует литературные и другие («ушедшие», в этом смысле «умершие») памятники прошлого. Герменевтика, как особый метод гуманитаристики, широко используется в западной науке. Ф. Шлейермахер предметом герменевтики считал, прежде всего, тексты. Они отделены от иссле-

дователя большой временной, исторической, культурной дистанцией. Это исторические источники, памятники далекой и чужой исследователю культуры. Их надо осваивать, преодолевая «барьеры» для понимания, умело переводить, комментировать, интерпретировать. С точки зрения Ф. Шлейермахера (1768–1834 гг.) герменевтика обеспечивает понимание субъективной («факт мышления») и объективной («факт языка») сторон памятника взаимодействием этих двух моментов. Провозглашенный Шлейермахером принцип «лучшего понимания» призван помочь исследователю глубже познать мир автора текста, его содержание. В трудах В. Дильтея (1833–1911 гг.)² герменевтическая методология обогатилась психологическими приемами, с помощью которых обнаруживалось в текстах «невидимое», ментальное, «скрытые пласты информации». Г.-Г. Гадамер³ ввел в герменевтику понятия: «предпонимание», «традиция», «предрассудок», «горизонт понимания» и сформулировал основной вопрос исторической герменевтики: в чем состоит причина законности предрассудков, то есть где граница между навязанными историей и современным обществом стереотипами и оправданными предварительными сведениями. Надо признать герменевтику общим методом исследования текстов, языков, оценить ее нацеленность на раскрытие смыслов в вещах, событиях, действиях людей, понять ее значение в развитии взаимопонимания между народами, культурами, между традициями и современностью.

Высока эффективность *типологического метода* в истории, впервые примененного М. Вебером⁴. Историческое понятие функционирует в качестве типа, то есть результата типологизации. Тип – это способ абстрагирования – нахождения основных форм, отражающих реальные процессы.

М. Вебер, исследуя природу исторических понятий, предложил, что для успешного изучения истории они должны содержать в себе элементы общего и индивидуального. Вебер назвал такое понятие «идеальным типом» и определил его содержание как конструкцию мышления, предназначенную для измерения и систематического рассмотрения индивидуальных связей (например, европейский феодализм, капитализм, христианство). Теория «идеальных типов» как адекватных методологических средств социально-исторического познания Макса Вебера предложила использовать в исторической науке исследовательскую мыслительную модель, которая конструируется теоретически и только в качестве логической нормы соотносится с эмпирической реальностью. В ходе методологических поисков М. Вебер обозначил границу между знанием и оценкой, суждениями о фактах и суждениями о ценностях. Он отстаивал идею ценностной нейтральности социально-исторического научного знания.

Остается актуальной *проблема исторической реальности*, ибо картина всемирной истории носит, безусловно, творческий, опосредованный характер. Для историка важно осмыслить как соотносятся объекты исторической науки с их теоретическими конструкциями. Идут интересные дискуссии. Исследователь, который заглушил собственное Я, имеет дело не с историей, а с бессмысленной массой разнородных исторических фактов. Чаще всего исторический материал, с которым имеет дело ученый, уже оценен, интерпретирован. Нельзя смешивать определенное понимание исторической действительности с самой действительностью – с реальной историей. Важную роль в понимании играет воображение, оно дает нам целостное понимание. Внешние события – лишь повод для воображения историка. Из понимания проистекает истолкование. Историк воспроизводит картину

прошлого, переживая его заново, воссоздавая его как живое, и прошлое переносится в настоящее во всей индивидуальной целостности. Так, история, по мнению В. Дильтея (1833-1911 гг.) – такая область знания, которая лежит в пределах внутреннего переживания, принципиально отличного от внешнего мира природы⁵. Историческое познание в толковании В. Дильтея сближается с искусством, с художественным творчеством, ибо целостность исторических образований рассматривается сквозь призму целостности исторической личности. Вероятно, когда Коллингвуд пишет о единственной исторической реальности – имеется в виду реальность сознания историка. Отметим, что по вопросу о природе исторической реальности сложились две точки зрения: реализм и конструктивизм. Реалисты полагают, что историческая реальность должна непосредственно представлять перед исследователем, быть наблюдаемой, существовать в реальности. Марксисты в целом разделяли позиции реализма, ссылаясь на «объективную историческую реальность», которая лежит в основе исторического познания и обеспечивает его объективность. Представители конструктивизма указывали на опосредованность исторической реальности временем, историческим источником, на ее ненаблюдаемость. Они считали, что с помощью набора методологических средств и механизмов возможно реконструировать исторические события, хотя их знание и не предстанет в «чистом» виде. Умеренный конструктивизм – допустимая методологическая модель исторического познания, и он ближе к истине при условии, что ученый осмысленно действует, применяя различные мыслительные, семиотические и иные конструкции. Каждый исследователь создает, конструирует исторический предмет в соответствии со своими средствами и методикой познания.

В работах по теории истории историческая реальность трактуется чаще как предметно-субстанциональный фон, понятие, тождественное «прошлому». Так, историческая реальность определяется как данность, реконструируемая на основе источников в ее феноменологическом разнообразии⁶.

Философия истории – ведущее научное направление философского познания, сосредоточенное на феноменах человеческой истории. Оно имеет свою историю как череду попыток ответить на вопросы: как возможна история? Кто является ее творцом? Умопостижима ли история? Есть ли у нее начало и конец? и др. Термин «философия истории» ввел Вольтер, однако уже в древности в рамках философской традиции появляются отдельные идеи, исследующие исторические события. Слово «история» в ранних греческих работах означало кропотливый труд, «расспрос», собирание сведений, рассказов о делах людей прошлых времен и настоящих. История представлялась как совокупность «сырых фактов» и пересказов этих фактов, в чем еще нет науки, нет знания. Позднее история у древнегреческих мыслителей приобретает умопостижимую форму. Ею становится прежде всего форма циклического развития, в котором историческое бытие человека оказывается представленным как совокупность вечно повторяющихся фаз в трансформации общественного устройства, в частности, форм государственного правления. Эти идеи можно считать прототипами схем объяснения всемирной истории европейскими мыслителями Нового времени.

Циклический характер истории утверждал Дж. Вико. Позднее циклические концепции опирались на идеи конечности цивилизационного развития.

Русский историк XIX века Н.Я. Данилевский циклы в развитии общества связал с изменениями культурно-исторических типов, а в XX веке английский историк А. Тойнби выделил цивилизации.

Идею прогресса развивали М. Кондорсе, И.О. Гердер, Гегель, К. Маркс.

К. Ясперс предложил концепцию осевого времени истории, то есть однотипного, формирующего некую ось развития достижений в разных частях Земли.

Философия истории способна построить масштабные картины человеческой истории, по выражению Ф. Лиотара, создать «Большие рассказы». *Философия истории может претендовать на роль теории в историческом познании.* Однако анализ литературы показывает, что из-за своей «метафизичности», то есть оторванности от конкретно-исторической эмпирии, из-за абстрактности и бездоказательности философия истории не воспринимается работающими историками как необходимая составляющая научно-исторического знания. А. Данто считает, что прошлое – это только фрагмент истории, история принципиально не завершена, «осмысленность нашей речи об исторических событиях придает именно ограничение речи «конечной точкой» – нашим настоящим»⁷.

Критики философии истории как теории истории указывают на невозможность ее эмпирической проверки. Так, здесь действует «эффект Эдипа», делающий невозможным предсказание⁸, кроме того в отношении исторических законов не действуют контрфактуальные суждения (они устанавливают стандартный научный закон).

Представляется, что историософские теоретические схемы (философия истории) нуждаются в процедурах эмпирических интерпретаций для установления связей с конкретной историей. Решение этой методологической задачи обеспечит доверие историков к философским исследованиям.

Характеристика современного состояния проблем методологии истории не может быть полной без анализа постмодернизма, как философии и методологии. Хотя многие ученые не признают постмодернизм как методологию, все же некоторые его идеи отражают социокультурную реальность, выражают «дух времени» в искусстве, социологии, философии, науке, экономике, политике, истории⁹.

Постмодернизм зародился на почве неприятия стандартизации, однотипности, монотонности массового сознания, формирующихся под влиянием СМИ. Эта методология мыслится как способ противостояния унификации. Познание реальности осуществляется в постмодернизме путем ее субъективного представления. Мир выступает как текст, наполненный множеством смыслов. Как на «свободный поток сознания», на этот текст не распространяется единый принцип структурности. Значение текста определяется контекстами, а потому бесконечно изменчиво. Читатель свободен в интерпретациях от авторского замысла, от других читателей и критиков. Идея деконструкции наиболее известная в постмодернизме. Она включает в себя деконструкцию (разрушение) текста и конструкцию – создание нового смысла данного текста. Эта процедура имеет целью достижение понимания текста через его критическое прочтение. В ней главную роль играет философствующий читатель, а не автор. Р. Барт в работе «Смерть автора» провозглашает: «рождение читателя оплачивается смертью автора».

Постмодернистский метод деконструкции направлен не против смысла как такового, а против смысла «принесенного» историко-культурной традицией. Он нацелен против историзма, линейности и прогрессизма, то есть против всего принятого классикой (модерном).

Применение метода деконструкции к социокультурной реальности породило концепцию симуляции Ж. Бодрийера (р. 1929 г.), суть которой состоит

в том, что отказ от бинарных оппозиций приводит к смешению воображаемого и реального миров, в результате чего мир утрачивает реальность и выступает как совокупность моделей. Бодрийяр предложил вместо понятия «реальность» использовать термин «симулякр», трактующий реальность как акт творения, совершаемый субъектом, растворенным в культурном контексте. «Мы живем в мире симулякров», копий никогда не существовавшего оригинала. Представляется, что идея симулякра выполняет функцию информационной защиты, хотя это, конечно, пассивный, малорациональный способ защиты.

Сфера применимости постмодернистского подхода к исследованию исторических феноменов остается неопределенной, хотя уже сейчас фиксируется использование этой плюралистичной методологии в работах по политической истории, например.

К сожалению, на основе принятия идеи «исчезновения социального» некоторые историки и политологи активно переписывают историю, делая ее события объектом рекламы, деформируя смыслы, создавая исторические образы, имеющие весьма отдаленное отношение к реальности. Оказывается весьма сложным делом разобраться в этих новых интерпретациях истории, провести грань между собственно исторически реальным и всего лишь фиктивным, между знанием действительным и вымыслом.

Один из основателей славянофильства, философ-энциклопедист, богослов, историк А.С. Хомяков (1804-1860 гг.) в работе «О смысле исторической науки и творчестве историка» стремился осмыслить методы и средства исторического исследования, обращал внимание на личностные качества ученого, его духовность, внутреннюю интуицию в познании «мрака древности». Он был убежден в том, что «все настоящее имеет свои корни в старине; даже самое неожиданное и странное явление, будучи хорошо исследовано, приводит вас к своему зародышу, которой есть не что иное, как плод прошедшего времени...»¹⁰. Эти идеи, безусловно, заслуживают внимания нынешнего поколения ученых.

«Дело историка было всегда весьма трудным... Звание историка требует редкого соединения качеств разнородных: учености, беспристрастия, многообъемлющего взгляда, Лейбницевской способности сближать самые далекие предметы и происшествия, Гриммова терпения в разборе самых мелких подробностей и пр.»¹¹.

Историков, как и представителей других наук, всегда интересовала проблема ценностей научного исследования, нормы научной профессии, вопросы гражданской и социальной ответственности, ценностные ориентации и нравственный кодекс ученых.

С.Л. Яки характеризует современную науку как нравственно несостоятельную и инертную¹². Представляется, что данная оценка уместна и в отношении исторической науки. Научное сообщество историков не смогло возвыситься над общим уровнем нравственности общества, допустило большие деформации в историческом сознании, практически заново (уже в который раз!) переписало историю Отечества, проявив нравственную глухоту в отношении традиционной культуры прошлых поколений, стремясь к стереотипам социального успеха. Историческая реальность ставит каждого исследователя перед нравственным выбором. Выбор не предопределен, бремя свободы не может быть снято с человека. Но общественная ситуация может влиять на выбор, предлагая спектр возможных решений, шкалу моральных и гражданских оценок. При этом важно, чтобы, обобщая исторический

опыт, вступая в диалог с разными формами духовной и практической жизни людей, учась на своих поражениях и победах, ученый утверждал ценность истинного познания и самопознания, реализовывал высшие идеалы Истины, Добра и Красоты.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем., под ред. С. Гессена. 2-е изд. – СПб., 1911.
- ² См.: *Дильтей В.* Собр. соч. Т. 1. – М., 2000; *Описательная психология.* – М., 1994; *Возникновение герменевтики // Собр. соч. Т. IV.* – М., 2001.
- ³ *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. – М., 1988; *Актуальность прекрасного.* – М., 1991.
- ⁴ См.: *Вебер М.* Избр. произведения. – М., 1990. – С. 459, 495-497, 503-506.
- ⁵ См.: *В. Дильтей.* Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. 1. – М., 2000. – С. 271-272.
- ⁶ См.: *Хвостова К.В., Финн В.К.* Проблемы исторического познания в свете современных междисциплинарных исследований. – М., 1997. – С. 18.
- ⁷ См.: *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М., 2002. Гл. 1. Субстантивная и аналитическая философия истории.
- ⁸ См.: *Поппер К.* Ницета историцизма. – М., 1993; *Данто А.* Аналитическая философия истории. – М., 2002. – С. 19.
- ⁹ См.: *Ильин И.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996. – С. 201.
- ¹⁰ См.: *Хомяков А.С.* Соч. в 2 т. – Т. 1. – М., 1994. – С. 34.
- ¹¹ Там же. – С. 40.
- ¹² См.: *Яки С.Л.* Спаситель науки. – М., 1992. – С. 220.

Ю.П. КУЛЬКОВ

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ В МЕЖСУБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В ПОЗНАНИИ ПРИРОДЫ (историко-философский анализ)

Познавательная деятельность, подобно любой человеческой деятельности, имеет социальную природу и не существует вне общественных отношений. Являясь репрезентацией как освоенных человечеством форм деятельности, так и предполагаемых ее форм, познание включает в себя многообразие социальных взаимодействий. В рецепции знаний природы следует выделить воздействие на этот процесс социальных взаимодействий в широком и узком смысле. Первые детерминированы их общечеловеческой природой, присущи любой деятельности. Вторые представлены социальными взаимодействиями узкопрофессионального характера, обусловлены спецификой производства естественнонаучных знаний.

Деятельность человека по освоению природы в формах знания вторична и следует за освоением природы в формах организации предметных структур практики: «Люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»¹. Подобно усложнению отношений между людьми в процессе развития материального производства происходят прогрессивная эволюция, совершенствование межсубъектных отношений в процессе духовного производства знаний.

Исторически этот процесс представлен переходом от производства знаний, вплетенного в материальное производство, к профессиональной деятельности по освоению природы в знаниях. Соответственно, были преодолены нерегулируемые отношения между исследователями природы путем их